

Ф. М. Достоевский в публицистике Г. А. Вяткина

А. В. Ляпина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

Аннотация

В статье впервые объектом исследования становятся очерки сибирского поэта, журналиста, драматурга Г. А. Вяткина, посвященные скорбным и памятным датам, связанным с именем Ф. М. Достоевского, – 30-летию со дня кончины, 75-летию ссылки в Сибирь, 100-летию со дня рождения. Публикации рассматриваются сквозь призму трагических событий русской истории 1910–1920-х гг., повлиявших на характер оценки творчества и личности Ф. М. Достоевского, в контексте публицистики Г. А. Вяткина. Прослеживается вклад публициста в процесс реабилитации имени великого писателя, которое вплоть до 1970-х гг. оставалось закрытым для советского читателя. Реконструируя творческую биографию Ф. М. Достоевского, Г. А. Вяткин обращается к фактам биографии художника, цитирует официальные документы, письма писателя, приводит отзывы литературных критиков, писателей-современников, апеллирует к литературным образам художника. Исследование проводилось на основе биографического метода, положений, опубликованных в работах, изучающих формы и функции культурной памяти, вопросы литературной репутации.

Ключевые слова

Ф. М. Достоевский, Сибирь, Омск, публицистика, Г. А. Вяткин, культурная память

Для цитирования

Ляпина А. В. Ф. М. Достоевский в публицистике Г. А. Вяткина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 35–44. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-35-44

F. M. Dostoevsky in the Feature Story of G. A. Vyatkin

A. V. Lyapina

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to find a suitable approach for the reconstruction of the creative biography of F. M. Dostoevsky presented in the opinion journalism of the Siberian poet, journalist, and publicist G. A. Vyatkin.

Results. This article is the first noticeable contribution proposed in studying opinion journalism of the Siberian poet and journalist G. A. Vyatkin about F. M. Dostoevsky. It considers Vyatkin's works in the context of tragic events in Russian history of the 1910–1920 years. This perspective is especially meaningful and beneficial in the light of the fact that Dostoevsky was almost unknown to the soviet society until the 1970s. His works were not a part of a school or university educational program.

Conclusion. The article concludes by arguing that Vyatkin was one of the first to tell about Dostoevsky's exile and hard life in the prison camp, about his compassion and worry for people. He recalled many forgotten facts of Dostoevsky's biography, found and published quotes from official documents and literary critics.

Keywords

F. M. Dostoevsky, Siberia, Omsk, journalism, G. A. Vyatkin, cultural memory

For citation

Lyapina A. V. F. M. Dostoevsky in the Feature Story of G. A. Vyatkin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, p. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-35-44

Введение

На сегодняшний день юбилейные и другие памятные даты становятся значимыми событиями для современного общества и находятся в фокусе внимания исследователей различных областей гуманитарного знания (см. [Машковцева, 2012; Морозова, 2014; Солдаткин, 2014; Жилякова, 2015; Васильев, 2015; Черняк, 2015; Васильева и др., 2017] и др.). Границы значения юбилеев и памятных дат расширились до уровня культурного явления, которое способно повлиять на процесс формирования исторической национальной памяти.

Для русского человека литература всегда была стратегическим ресурсом национальной и региональной идентичности, «главнейшим, если не единственным выражением образованности» (И. В. Киреевский), «лучшим, что было создано нами как нацией» (М. Горький). Однако глобальные социокультурные сдвиги вытеснили литературу в маргинальное информационное пространство, привели к спаду общественного интереса к словесным практикам [Орлова, 2016].

Юбилей и другие памятные даты, связанные с именами русских писателей, как отмечают ученые, «являются одновременно ключом к пониманию духовных устремлений и идеологии времени» [Лотман, 1987. С. 60], «мощным культурным катализатором, влияющим на состояние исторической памяти общества» [Черняк, 2015. С. 27].

В аспекте обозначенной проблемы в преддверии 200-летнего юбилея Ф. М. Достоевского, чья судьба оказалась связана с Омском и Сибирью в целом, целесообразно изучить публикации как один из видов коммеморативных практик, посвященных жизни и творчеству великого писателя.

Общеизвестно, что в Советском Союзе Ф. М. Достоевский долгое время оставался «закрытым» писателем, «чужим», «попутчиком» из-за своих мировоззренческих позиций. В этой связи сюжет рецепирования личности и наследия писателя в аспекте юбилейных дат, в том числе и региональной печатью, до сих пор не воссоздан.

Анализ публикаций в сибирской печати позволит не только говорить о месте художника в историко-литературном процессе, но и выявить круг начитанности сибиряка, оценить его вовлеченность в общероссийский историко-культурный контекст.

Сибирская периодическая печать в начале XX в. представляла сибирякам литературные юбилеи как значимые события в литературной жизни и жизни российского общества в целом. Журналисты в основном публиковали статьи о писателях с «положительной» литературной репутацией (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой) [Жилякова, 2015]. Ф. М. Достоевский к такого рода счастливым не относился. Ведь писатель был признан «чужим» советской властью и до 1971 г. находился в опале, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о его личности и творчестве как в центральной, так и в региональной печати.

Имя Ф. М. Достоевского заняло достойное место в публицистике одного из признанных поэтов Сибири – Георгия Андреевича Вяткина (1885–1938), которая только начинает входить в научный оборот. Журналист, поэт, переводчик, литературный критик Г. А. Вяткин посвятил Достоевскому три монографические статьи, но авторитетное для критика имя писателя упоминалось на страницах его публицистических работ в течение всей творческой деятельности, а знание Достоевского выразилось не только в суждениях о нем, но и в формах искусства, в формах прямых или скрытых цитат.

Таким образом, актуальность исследования является двунаправленной. С одной стороны, исследование продолжает тему рассмотрения памятных событий как явлений культуры, способных повлиять на процесс формирования исторической национальной памяти. С другой стороны, осмысливается опыт рецепции личности и творчества Ф. М. Достоевского Г. А. Вяткиным на страницах сибирских периодических изданий.

Цель исследования – выявление способов реконструкции творческой биографии Ф. М. Достоевского в публикациях коммеморативной направленности сибирского поэта, журналиста, публициста Г. А. Вяткина.

Новизну исследования определяет как его материал, так и ракурс – Ф. М. Достоевский в коммеморативных публикациях сибирского поэта, публициста, журналиста Георгия Андреевича Вяткина. Впервые вводятся в научный оборот публикации, не вошедшие в собрание сочинений [Вяткин, 2006].

Выбор ракурса исследования обусловлен необходимостью получения и систематизации новых данных о характере восприятия творческой биографии Ф. М. Достоевского сибирской печатью XX в., значимых для самоидентификации общества в измененном социокультурном контексте.

Объектом исследования в данной статье стали коммеморативные публицистические произведения Георгия Андреевича Вяткина, поводом к написанию которых стали как скорбные и памятные даты, важные события в личной судьбе Ф. М. Достоевского, так и трагические события русской истории.

Результаты исследования

Значение Ф. М. Достоевского для Г. А. Вяткина трудно переоценить. В 1936 г., незадолго до своей гибели, в публикации «Встречи и беседы» он выделил двух писателей, оказавших на него влияние, – это К. Бальмонт и Ф. Достоевский. «Бальмонт очаровывал музыкой своего легкого стиха, Достоевский – вдохновенным оправданием страдания» [Вяткин, 1936. С. 113–114].

Имя классика XIX в. сопровождало Г. А. Вяткина с молодости. В ранней статье «О декадентах» (1907) имя Достоевского названо в ряду имен других писателей, смерть которых привела к оскудению русской литературы. В статье «Рыцарь красоты» (1910), подготовленной к 10-летию со дня смерти О. Уайльда, он среди читаемых английским поэтом произведений называет и «Записки из Мертвого дома» Достоевского.

В рецензии «К мудрости сердца» (1911) на литературно-философское исследование В. В. Вересаева «Живая жизнь» Вяткин акцентирует внимание на отношении двух великих художников – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского – к феномену жизни, к творчеству.

Вяткин откликнулся и на театральные постановки произведений Достоевского: «В Художественном театре» (1910), «Отзыв на спектакль “Идиот”» (1914), «Братья Карамазовы» (1923), «К гастролям Орленева» (1925).

Первая монографическая статья о писателе «Памяти Достоевского» (по поводу 30-летия со дня кончины) опубликована в ежедневной политической, литературной и экономической газете «Сибирская жизнь» (Томск) 30 января 1911 г.

Статье предпосланы эпитафии «Таинственно, что к прекрасному и великому сердцу доходит через страдание» – цитата ученого, литературного критика В. В. Розанова, и «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» – цитата Ф. М. Достоевского, которые выражают основную мысль, ключевую тему размышлений автора статьи – тему страданий как ведущую в творчестве писателя.

Страдание понимается как образ жизни, как особенность русского народа и всей русской литературы: «Русская литература – это прежде всего отклик на человеческое страдание, крик уязвленной совести, исповедь горячего славянского сердца» [Вяткин, 2006. Т. 5. С. 166]¹.

Автор включает Ф. М. Достоевского в общественно-литературный контекст эпохи и рассматривает его как одного из неопенимых гениев, наряду с Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым: «Тонкая красота Тургенева, бездонная глубина Достоевского и безграничная широта Льва Толстого – вот три предмета нашей особенной любви и гордости, три высших подъема

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.

нашего национального гения, три великих светоча в душном сумраке нашей многострадальной жизни» (т. 5, с. 166).

Именно Достоевский сумел глубоко и всесторонне почувствовать и выразить высокий смысл страдания, открыть его просветляющую дух человека красоту.

В лаконичном введении Г. А. Вяткин напоминает читателям о трагическом событии тридцатилетней давности и определяет тему разговора: «Тридцать лет со дня смерти писателя – срок не большой, но достаточный для определения прочности общественных симпатий или антипатий к покойному и для выяснения влияния писателя на современную нам эпоху» (т. 5, с. 166).

Реконструируя творческую биографию писателя, которая неотделима от его человеческой судьбы, публицист обращается к фактам биографии в аспекте ключевой темы очерка: вспоминает сцены казни, каторгу в Омском остроге, помимо тяжелых нравственных и физических недугов, указывает и на скудное материальное положение, а также на другие беды (смерть брата, жены, дочери, друга Аполлона Григорьева) и приходит к выводу, что жизнь Достоевского – это сплошной ряд «разнообразных жестоких страданий, каких судьба могла послать на долю гениального представителя “всевыносящего русского племени”» (т. 5, с. 167).

Усилить тему страдания помогают обращения к личным документам художника: это фрагменты писем и заметок.

Обращаясь к цитации как приему реконструкции биографии писателя, Г. А. Вяткин включает в текст статьи высказывания В. В. Розанова («к прекрасному и великому сердцу доходит через страдание») и Д. С. Мережковского, который назвал Достоевского «глубочайшим откровением христианства в русской, а может быть, и во всемирной культуре...» (т. 5, с. 168).

Автор использует прием реконструкции литературного контекста XIX в., называя мартиролог русских писателей, или реестр каторги: «... дуэли Пушкина и Лермонтова, скитания по тюрьмам и ссылкам Радищева, Герцена, нищета и болезнь Белинского, Некрасова, Надсона, Гаршина... Такова уж, очевидно, судьба русских писателей, и этой суровой судьбы не миновал Федор Михайлович Достоевский» (т. 5, с. 168). Георгий Андреевич повторил мысль М. Горького, высказанную в статье «Разрушение личности» в 1909 г., о том, что нигде не было такого обилия писателей-мучеников, как у нас, и никто не творил столь дивных красот при таких неописуемо тяжелых условиях.

Человеческие страдания, боль, по мнению Вяткина, «будят мысль, крепче связывают с миром...» (т. 5, с. 169), что коррелирует с состоянием самого писателя, пережившего в Омском остроге «смерть и воскресение Лазаря». Ф. М. Достоевский сообщает в письме брату Андрею: «Это было страдание невыразимое, бесконечное <...>. Но это время прошло, и теперь оно сзади меня, как тяжелый сон, так же как выход из каторги представлялся мне прежде, как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь» [Достоевский, 1985. С. 181]. Писатель верит, что принятые страдания оправдаются грядущим «воскресением из мертвых». В письме своему другу Н. Д. Фонвизиной он делится своими переживаниями: «Скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как трава иссохшая, веры, и находишь ее, собственно поттому, что в несчастье яснее истина» [Там же. С. 176]. Духовные и физические страдания помогли Достоевскому обрести веру и открыть новое понимание жизни.

Рассматривая тему «Пути» Достоевского, Вяткин указывает и на противоречивость личного религиозного опыта писателя, который на протяжении всей своей жизни размышлял над «проклятыми» вопросами о существовании Бога, о смысле жизни, справедливости; указывает на особенности творческого метода писателя – анализ и синтез как следствие сложных и мучительных раздумий и переживаний: «Значение анализирующей мысли велико, перед ним Достоевский преклоняется, но потребность в животворящем синтезе, в оправдании и принятии жизни еще более велика, и об этом синтезе он мучительно тоскует, ибо “мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить”» (т. 5, с. 169). Текстобразующим началом заключительной части статьи становятся цитаты из романа «Преступление и наказание»,

суждение Мережковского, авторский комментарий – рассуждение о пророческой роли Достоевского, о его христианской миссии, связи его с судьбами России в канун исторических катаклизмов.

Время выдвигает новые критерии оценки, выявляет новые ноты созвучия деятельности Ф. М. Достоевского современности. Перед ним испытывали благоговейный трепет такие «гиганты, как Ницше – в Германии, Оскар Уайльд – в Англии и Кнут Гамсун – в Норвегии». Автор проговаривает масштаб личности писателя, отводит писателю роль мировую, убеждает читателя в животрепещущей связи идей и мыслей великого человека с днем сегодняшним («мы несколько охладели к Тургеневу, утратили некоторую долю интереса к Толстому, к Достоевскому интерес повысился и обострился»), называет имена своих современников, кто унаследовал идеи Достоевского: «Современная литература, главным образом в лице крупного таланта Леонида Андреева, носит на себе несомненные признаки огромного влияния Достоевского». Из «свидетельств» привлекается афоризм Мережковского «Достоевский – пророк русской революции», понимаемый как политический переворот. Вяткин дополняет Мережковского: «Достоевский является пророком общечеловеческой революции в области психики».

Чтобы привлечь к диалогу и внести в текст динамику драматургии, критик усиливает энергию своих высказываний риторическим обращением к читателям, осложненным психологическими паузами: «И мы, современные русские люди, измученные, усталые, потерявшие веру, не почерпнем ли эту веру у Достоевского и не убедимся ли в том, что “к прекрасному и великому сердцу доходит через страдание?” Кто знает, может быть, это так... Может быть, это – правда...» (т. 5, с. 170). В 1911 г., накануне великих потрясений, автор очерка призывает своих соотечественников прислушаться к голосу великого художника и мыслителя, принять в себя уже утраченную веру, вернуться к своим истокам, своим корням. Так имплицитно проявляется пророческая миссия писателя, просматривается его связь с судьбами России.

Придавая своей речи убедительность и достоверность, в целях объединения людей Г. А. Вяткин в заключительной части употребляет местоимение «мы», отождествляя себя с соотечественниками, выражая, таким образом, ценностную позицию народа в отношении героя очерка («Достоевский открыл нам горизонты, о которых мы и не мечтали»; «мы, русские люди»; «почивший гений знал больше нас»; «имя Достоевского мы можем произносить с чувством благоговейной любви»). Местоимение выполняет и функцию противопоставления в оппозиции «мы / он», где «он» (Достоевский. – *А. Л.*) по своим личностным характеристикам возвышается над «мы» (другими людьми. – *А. Л.*): «гений знал больше нас»; «он перешел те грани, перед которыми мы с трепетом останавливались».

В заключительном абзаце очерка раскрывается мудрость христианского миропонимания Достоевского. Писатель, как и многие герои его произведений, испытал на себе исцеляющую силу страдания, вернувшую автора в христианский духовный контекст.

В начале XX в., в эпоху расцерковления сознания, разрушения родовых связей особенно необходима была защита человека «внутреннего». Вяткин призывает своих соотечественников с чувством глубокой любви и непоколебимого уважения, с глубокой болью и грустью вспоминать имя великого писателя.

Объединяющей все части текста и раскрывающей логику авторского замысла оказывается лейтмотивная лексика: «страдание», «многострадальная жизнь», «стоны и слезы», «жестокое страдание», «терзания человеческой раздвоенности», «огромная роль страдания», «мученическая жизнь». В тексте очерка страдание представлено на разных уровнях: физическом (тяжелый, каторжный труд), нравственном (боль и переживание за других людей) и христианском (приближение к Богу, обретение веры и открытие христианского пути, требующего жертвенной самоотдачи, перемены мировоззрения, борьбы со своими грехами, укрепление и очищение души). Важна смысловая функция последней фразы – «мученическая жизнь». Прилагательное «мученический» – из книжной сферы, относится к высокому стилю, харак-

теризует человека, жизнь которого была наполнена страданиями не столько нравственными и физическими, но страданиями высокого ряда, соотносимыми со страданиями Христа. Текст завершается фигурой умолчания, призывающей к размышлениям, выражающей надежду на взаимопонимание между автором статьи и читателем, это придает высказыванию драматический оттенок.

Тема страдания со ссылкой на Достоевского будет развита в статьях Г. А. Вяткина «Из литературного дневника» (1912); «Писатели, народ и большевики» (1919).

Не поддержав большевистский переворот в октябре 1917 г., Вяткин в 1918 г. возвращается в родной Омск и переходит на сторону «белого движения». Свою неприязнь к большевикам он передает посредством литературных образов. В заметке «Предупреждали за 50 лет», опубликованной в «Нашей газете» (Омск) в 1919 г., Георгий Андреевич отмечает пророческий пафос романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и романа Н. С. Лескова «Некуда», в которых избличена «жестокость и подлость будущих большевиков» [Вяткин, 1919].

Не мог Георгий Андреевич не вспомнить Ф. М. Достоевского в столетний его юбилей, который пришелся на катастрофические годы Гражданской войны, годы глубокого социального, национального, политического и идейного раскола российского общества.

Очерк «Художник темных глубин», который являет собой «сжатое изложение доклада, сделанного автором на юбилейном вечере памяти Достоевского, и печатается на началах дискуссии – в целях наиболее полного освещения творчества этого писателя, ныне столь спорного», опубликован в омском журнале «Искусство» в 1922 г. [Вяткин, 1922. С. 56]. Г. А. Вяткин в юбилейной статье представляет ключевые идеи Достоевского в аспекте размышления о будущем русского народа и России. Автор очерка в разгар Гражданской войны акцентировал внимание на истоках и причинах преступлений, совершаемых человечеством. Достоевский обнаружил эти истоки в темных и загадочных глубинах человеческой души («это те аффекты, страсти, душевные бури и взрывы, которые не перестанут смущать и возмущать человечество даже при условии всеобщей справедливости и сытости» [Там же]). Только знание глубин человеческой сущности может спасти человечество от «внутреннего хаоса», который и приводит к преступлению.

Рассматривая творческую биографию Достоевского, автор статьи обращается к событиям омской каторги, где будущий создатель великого Пятикнижия впитывал в себя «всю боль и страдания отверженных и униженных», где познавались «темные, загадочные глубины человеческой души».

Риторические вопросы с соответствующими риторическими ответами располагают читателя к диалогу, приносят в текст динамику драматургии и открывают возможность для внутренней полемики: «Откуда же Достоевский все это возьмет? Выдумает? Нет, ему выдумывать нечего, потому что этого (страдания. – А. Л.) и без выдумки довольно. Он только это бережно соберет – вплоть до последней, самой маленькой слезинки» [Там же. С. 59].

Прием сопоставления позиций по принципу сходства или различия позволяет Вяткину избежать категоричности в оценках. Например: «Толстой только один раз, по поводу столыпинского террора, крикнул свое знаменитое “не могу молчать”. А Достоевский кричит это непрестанно, на каждой странице: “не могу молчать”, и палачом для него является не Столыпин, не власть и общественный порядок вообще, а вся жизнь во всей ее совокупности, со всеми теми узлами, которые завязаны тысячи лет назад, и, главное, то звериное, зоологическое, темное и хищное начало, которое не изжить и в сотни веков и для которого тот или иной общественный порядок почти безразличен» [Там же].

В 1925 г. в первом номере литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни» (Новосибирск) публикуется статья «Достоевский в омской каторге» (по поводу 75-летия ссылки Ф. М. Достоевского в Сибирь).

В очерке Вяткин создает объективную картину условий каторжной жизни писателя, раскрывает его личностные качества, проявленные в остроге.

Система доказательств в очерке строится на разработке конфликта между писателем и «жестокими нравами» острога, на характере повествования, включающем в себя как описание поступков героя, так и рассуждений автора очерка.

Композиционно текст состоит из четырех частей, каждая из которых последовательно вводит читателя в атмосферу арестантской жизни. В первой части Г. А. Вяткин напоминает читателю факты биографии Ф. М. Достоевского, называет причины его ареста, апеллируя к языку дат: «В апреле 1849 года в Петербурге вместе с другими петрашевцами был арестован и Федор Михайлович Достоевский», «22 декабря того же года ему был объявлен смертный приговор; 23 января 1850 года Достоевский прибыл в Омск» (т. 5, с. 344). Автор актуализирует проблему «Достоевский на каторге», критикует российскую прессу за невнимание к омскому периоду жизни писателя, за невысокое качество опубликованных материалов. Журналист вспоминает несколько статей, опубликованных в «Русской старине» и «Историческом вестнике» (Черевина, Николаевского, Брайловского и Хроневи́ча), которые построены, «главным образом, на воспоминаниях о Достоевском ссыльных поляков, его товарищей по каторге, – воспоминания далеко не объективны и поверхностны» (т. 5, с. 345). Письма Достоевского, датированные после 1854 г., тоже не позволяют в полной мере воссоздать атмосферу Омска и показать ее влияние на становление мировоззрения писателя. «Омский период зияет большим пробелом, и лишь в нескольких письмах, посланных уже по отбытии каторги из Семипалатинска, встречаются отдельные фразы об Омске» (т. 5, с. 345).

Г. А. Вяткин в основной части очерка реконструирует образ «Мертвого дома»: описывает грязную обстановку арестантской казармы с множеством неприглядных подробностей, тяжесть принудительного труда, произвол крепостной администрации, арестантский госпиталь, где старались облегчить участь избитых розгами осужденных.

Создавая психологический портрет Ф. М. Достоевского этого периода, журналист приводит внешние данные писателя, цитируя официальный документ: «Лицо чистое, белое, глаза серые, нос обыкновенный, волосы светло-русые, на лбу, над левой бровью небольшой рубец», и внутренние качества личности, проявленные в «нетривиальной» (А. А. Тертычный) обстановке. В очерке демонстрируется физическая выносливость классика русской литературы («вырабатывалась выносливость, крепились мускулы», «сначала Федор Михайлович мог одновременно нести только восемь кирпичей, потом по десять, а иногда и по двенадцать, то есть по три с половиной пуда»), причем труд рассматривается как возможность «общаться с волей», как спасение от мрачных дум.

Писатель в очерке предстает человеком, равнодушным к страданиям людей: «Федор Михайлович больше всего страдал от тех бесчеловечных истязаний, свидетелем которых были тогда, можно сказать, все омские жители, – это гоньба сквозь строй» (т. 5, с. 348). Георгий Андреевич приводит воспоминания сына фельдшера госпиталя об отношении Достоевского к арестантам-мученикам: «Когда наказанного привозили в госпиталь без чувств, с синевой, залитой кровью спиной, из которой торчали занозы от зеленых палок... В эти-то минуты Достоевский приоткрывал дверь своей палаты (выйти он не мог) и, потрясенный, весь дрожа, умоляющим голосом просил отца и его товарищей-фельдшеров: – Детушки, детушки! Родные! Спасите его... спасите несчастного...» (т. 5, с. 348).

Отплатил благодарностью фельдшеру госпиталя за поддержку, за возможность читать французские газеты, которые выписывал корпусный штаб-доктор И. И. Троицкий.

Значимость статьи заключается также в том, что Г. А. Вяткин опубликовал запись своих разговоров с В. А. Ивановым, отец которого служил в 1850-х гг. в Омском военном госпитале и лично знал Ф. М. Достоевского. Как вспоминает сын фельдшера, В. А. Иванов, Достоевский в благодарность сделал «отцу платяную щетку» из серой грубой щетины, но «мысль, что она сделана руками Достоевского, заставляла отца хранить ее как реликвию» (т. 5, с. 348). Кроме того, в статье впервые приводятся сведения о существовавшей в Омске легенде о доме, в котором якобы жил писатель-каторжник.

Влияние идей Достоевского на мировоззрение Вяткина заметил М. Горький, прочитав поэтический сборник «Под северным солнцем» (Томск, 1912). Пролетарский писатель не одобрил продолжение традиции в молодом сибирском авторе: «Вы еще не самостоятельны, вы как будто не решаетесь пойти своим собственным путем, на ваших стихах чувствуется влияние Бальмонта. С другой стороны, на вас заметно влияние мрачной философии Достоевского, и вы воспеваете страдание как нечто положительное, вы даже называете его “святым таинством”. Против этого я горячо бы протестовал, ибо, по-моему, страдание вредно» [Горький, 1956. Т. 29. С. 291–292].

Вяткин, для которого вышеназванные писатели были кумирами, озадачился позицией мэтра советской литературы: «И вот Горький – словно острым мечом – ударил по обоим моим кумирам. <...> Резкая и беспощадная фраза – “Достоевский – национальный враг”! Проанализировав эти слова в своем сознании, трезво перечитав поучения старца Зосимы из “Карамазовых”, я с отрадной горечью понял, что Горький прав: мистическую философию Достоевского необходимо преодолевать» [Вяткин, 1936. С. 113–114]. В приведенном отрывке очевидна внутренняя напряженность и растерянность автора строк.

Статья Г. А. Вяткина «Встречи и беседы» была опубликована в одном номере журнала «Сибирские огни» за 1936 г. с его автобиографическим романом «Открытыми глазами», в котором также заметно изменение мировоззрения писателя. Герой Б. К. Неручев перечитывает сделанные им в общей тетради записи – цитаты из прочитанных книг, особенно запомнившиеся. Тетрадь эта «странствовала с ним и по фронтам империалистической войны, и по фронтам Гражданской...». В ней Неручев находит слова Ф. М. Достоевского о страдании и боли из романа «Преступление и наказание», а затем – сделанную позднее запись из Гёте: «...Нужно бороться. Нужно содрогаться. Это может сделать жизнь горькой, но без этого вся жизнь – хлам» (Гёте). Эта последняя фраза дважды подчеркнута. Он любил ее – она звенела, как клятва...» (т. 3, с. 95–97).

Публикации Г. А. Вяткина последних лет свидетельствуют о том, насколько новая идеология надломила писателя. Как журналист и писатель он пытается оправдать новый режим, найти новые позитивные тенденции в современной жизни. Но поэтический талант противится новому строю и прорывается болью и растерянностью в стихах. Личная и общенациональная трагедия нашла отражение в драматическом пафосе очерков о Достоевском.

Заключение

Таким образом, в трагические для русской истории годы Г. А. Вяткин представил Ф. М. Достоевского как писателя, мыслителя, пророка, актуализировал в сознании сибиряка малоизвестные факты биографии писателя, связанные с его четырехлетним пребыванием в омском остроге, представил ключевые пророческие идеи Достоевского в аспекте размышления о будущем русского народа и России.

Объектом оценки журналиста стали личностные свойства героя очерка, пережившего «смерть Лазаря» и воскресшего для новой жизни. Лейтмотивом всех статей о Достоевском становится тема страдания в различных его проявлениях.

Вяткин справедливо называет классика русской литературы писателем, заглянувшим в бездну человеческой души, в те страшные миры, которые старались обходить стороной его современники-писатели. Братоубийственную войну 1920-х гг. журналист рассматривает как преступление, истоком которого являются всё те же эгоистические страсти и аффекты, идущие из темных глубин человеческой души, и как великое страдание, данное для перерождения к лучшему. Современному человеку важно понимать природу зла, которое совершается в мире, чтобы его победить.

Представляя читателям Достоевского, Вяткин обращается к фактам биографии художника; цитирует официальные документы; выявляет роль «человеческих» документов эпохи (писем, воспоминаний) в формировании литературной репутации писателя; использует прием

реконструкции исторического и литературного контекста; прием сопоставления личности и творчества писателя с его современниками (А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский); находит обоснование своей точки зрения в литературно-критических работах Д. С. Мережковского, В. В. Розанова; цитирует произведения Достоевского, актуализирует литературные образы.

В коммеморативных статьях поэт, журналист, литературный критик постарался донести до читателей мысль о том, что моделирование перспектив будущего возможно с опорой на наследие писателя. Г. А. Вяткин воспринимал Достоевского и на уровне преемственности литературных традиций, однако данная тема – предмет отдельного разговора.

Так, благодаря Г. А. Вяткину сибирская периодика еще в 1910–1920-е гг. предприняла первые шаги на пути реабилитации творческой биографии Ф. М. Достоевского, восстановления его литературной репутации.

Список литературы

- Васильев А. Г.** Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый институт культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. 168 с.
- Васильева О. Ю., Ляпина А. В., Пономарёва Л. Г.** Литературные юбилеи как явление национальной и региональной идентичности (к постановке проблемы) // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 94–97.
- Вяткин Г. А.** Предупреждали за 50 лет // Наша газета [Омск]. 1919. № 70 (31 окт.). С. 2.
- Вяткин Г. А.** Художник темных глубин // Искусство. 1922. № 2. С. 56–60.
- Вяткин Г. А.** Встречи и беседы // Сибирские огни. 1936. № 4. С. 113–116.
- Вяткин Г. А.** Собр. соч.: В 5 т. Омск: Кн. изд-во, 2006.
- Горький А. М.** Г. А. Вяткину, 1912, Капри // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 29. С. 291–292.
- Достоевский Ф. М.** Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859. 551 с.
- Жилякова Н. В.** Рецепция русской классики в Томской дореволюционной журналистике. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 208 с.
- Лотман Ю. М.** Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Таллин. 1987. № 1. С. 58–62.
- Машковцева Л. Ф.** Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. 2012. № 2 (20). С. 173–174.
- Морозова С. Н.** 25-летний юбилей литературной деятельности И. А. Бунина в освещении русской печати 1912–1913 гг. // Вестник Моск. ун-та. 2014. № 5. С. 71–86.
- Орлова Е. И.** История журналистики и литературы как университетские науки // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 162–169.
- Солдаткин В. Е.** Личностный юбилей как социокультурное событие: Дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2014. 147 с.
- Черняк М. А.** Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 27–36.

References

- Chernyak M. A.** Literaturnyi yubilei kak forma kul'turnoi pamyati v sovremennoi Rossii: sluchai Vsevoloda Ivanova [Literary Jubilee as a Form of Cultural Memory in Present-Day Russia: The Case of Vsevolod Ivanov]. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, p. 27–36. (in Russ.)
- Dostoevsky F. M.** Complete Collection of Works: In 30 vols. Leningrad, 1985, vol. 28, book 1: 1832–1859, Letters, 551 p. (in Russ.)

- Gorky A. M.** Collection of Works. In 30 vols. Moscow, 1956, vol. 29, p. 291–292. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Pushkin 1999 goda. Kakim on budet? [Pushkin in 1999. Who Does He Became?]. *Tallin*, 1987, no. 1, p. 58–62. (in Russ.)
- Mashkovtseva L. F.** Istoriko-kul'turnye istoki i problemy izucheniya ponyatiya “literaturnaya reputatsiya” [Historical and Cultural Origins and Problems of Studying the Concept of “Literary Reputation”]. *Discussion*, 2012, no. 2 (20), p. 173–174. (in Russ.)
- Morozova S. N.** 25-letnii yubilei literaturnoi deyatelnosti I. A. Bunina v osveshchenii russkoi pechati 1912–1913 gg. [25th anniversary of I. A. Bunin's Literary Activity in the Russian press coverage in 1912–1913]. *Bulletin of Moscow University*, 2014, no. 5, p. 71–86. (in Russ.)
- Orlova E. I.** Istoriya zhurnalistiki i literatury kak universitetskie nauki [The History of Journalism and Literature in the University Disciplines]. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 9*, 2016, no. 4, p. 162–169. (in Russ.)
- Soldatkin V. E.** Lichnostnyi yubilei kak sotsiokul'turnoe sobytie [Personal Anniversary as a Social and Cultural Event]. Cand. Philol. Sci. Diss. Saransk, 2014, 147 p. (in Russ.)
- Vasilev A. G.** Kul'turnaya pamyat' / zabvenie i nacional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural Memory / Oblivion and National Identity: Theoretical Foundations of the Analysis]. In: Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noj identichnosti Rossii v XXI veke [Cultural Memory in the Context of the Formation of Russia's National Identity in the 21st Century]. Collective monograph. Moscow, Sovpadenie Publ., 2015, 168 p. (in Russ.)
- Vasileva O. Yu., Lyapina A. V., Ponomaryova L. G.** Literaturnye yubilei kak yavlenie natsional'noi i regional'noi identichnosti (k postanovke problemy) [Literary Anniversaries as a Phenomenon of National and Regional Identity]. *Humanitarian Research*, 2017, no. 3 (16), p. 94–97. (in Russ.)
- Vyatkin G. A.** Preduprezhdali za 50 let [Warned 50 years in Advance]. *Nasha gazeta [Our newspaper]*, Omsk, 1919, no. 70, p. 2. (in Russ.)
- Vyatkin G. A.** Khudozhnik temnykh glubin [Artist of the Dark Depths]. *Iskusstvo [Art]*, 1922, no. 2, p. 56–60. (in Russ.)
- Vyatkin G. A.** Vstrechi i besedy [Meetings and Conversations]. *Sibirskie ogni [Siberian lights]*, 1936, no. 4, p. 113–116. (in Russ.)
- Vyatkin G. A.** Sobranie sochinenii [Collection of Works]. In 5 vols. Omsk, Kniga, 2006. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** Retseptsiya russkoi klassiki v Tomskoi dorevolyutsionnoi zhurnalistike [Reception of Russian Classics in Tomsk Pre-revolutionary Journalism]. Moscow, FLINTA, Nauka, 2015, 208 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
17.07.2020

Сведения об авторе

Ляпина Алина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
a.v.liapina@mail.ru

Information about the Author

Alina V. Lyapina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation)
a.v.liapina@mail.ru